

ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ ПРАВА НА ЖИЗНЬ: ТРАКТОВКА В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Наталья Машко

Введение

В обширной системе прав, которыми обладает человек, несомненно, главное место принадлежит праву на жизнь. Вопрос о содержании этого права является весьма сложным, и каждый ученый, занимающийся его изучением, дает свою формулировку. Тем не менее, в науке остается много проблем, связанных не только с пониманием содержания данного права, но и определением пределов его действия.

В связи с этим нельзя не согласиться с высказыванием доктора юридических наук И. А. Михайловой, считающей, что «ни одно другое субъективное гражданское право не имеет столь сложного содержания, объединяющего в единое целое медицинские, философские, биологические, религиозные и юридические конструкции, причудливое сочетание которых проявляется во всех аспектах права на жизнь, начиная с решения вопроса о моменте возникновения этого права, то есть права на жизнь зачатых, но еще не рожденных детей» [11, с. 23].

Вопрос о пределах действия права на жизнь уникален в своем роде еще и потому, что чаще всего оспаривать или требовать восстановления нарушенного права субъект самостоятельно не может в силу или физического прекращения существования, или абсолютно недееспособного возраста.

Вопросы, связанные с правовыми проблемами определения момента начала жизни, интересовали многих отечественных, российских и зарубежных ученых, занимавшихся изучением различных аспектов права на жизнь, таких как И. А. Михайлова [11], Е. А. Панкратова, Е. В. Перевозчикова [17], В. С. Репин [19], С. С. Шевчук [25].

В белорусском правовом пространстве существует пока лишь небольшое количество публикаций по данной тематике. Так, среди авторов, затрагивающих в своих исследованиях вопросы правовой охраны и определения начала жизни, особо хочется отметить работы Н. В. Ребеко [18], С. М. Сивца [20]. Однако детального анализа правового регулирования начала действия прав человека (включая право на жизнь как основополагающее) в Беларуси пока нет.

Целью данной статьи являются изучение действующей правовой базы Республики Беларусь в сфере регламентации начала правовой охраны жизни и анализ зарубежного опыта в решении анало-

гичных проблем. В результате проведенного исследования были внесены отдельные предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь в области защиты права человека на жизнь.

Теоретические предпосылки исследования

Для детального изучения рассматриваемой проблемы необходимо проанализировать существующие теории, обосновывающие определение начала возникновения права на жизнь, выделив три подхода к вопросу определения начала охраны человеческой жизни в законодательном порядке: абсолютистский, либеральный и умеренный [17, с. 15].

Сторонники так называемой *абсолютистской* позиции (такие, как Е. Велти, В. А. Голиченко, Л. Н. Линик, И. В. Чиндин) рассматривают эмбрион как человеческое существо, которое обладает безусловной ценностью и правом на жизнь с момента зачатия. Именно поэтому, по их мнению, запрещается осуществлять какие-либо действия, которые затрудняют или прекращают его развитие. Таким образом, в обязанность государства входят обеспечение условий для развития жизни на любой стадии и ее абсолютная защита [26].

Приверженцы *либеральной* позиции основывают свои доводы на положении, согласно которому человеческий эмбрион имеет незначительную ценность или даже лишен ее, поэтому не нуждается в какой-то особой защите и не наделяется правом на жизнь. Данную позицию разделяет, например, В. С. Репин: «Любое решение в новой области не может приниматься исключительно по биоэтическим или моральным соображениям... Сторонники идеологии «про-лайф» уравнивают качество жизни прародительских клеток и людей. Это равносильно знаку равенства между биологическим потенциалом плодовых косточек и дерева» [19, с. 85].

Ученые, придерживающиеся *умеренной (градуалистической)* позиции, считают, что «оплодотворенная яйцеклетка развивается в человеческое существо постепенно и эмбрион имеет значительную, но не абсолютную ценность» [26]. В рамках данной позиции эмбрион имеет право на жизнь, по мнению одних авторов, при достижении определенного уровня развития (Б. Херинг, М. Д. Байлес), по мнению других — при достижении жизне-

Автор:

Машко Наталья Викторовна — аспирант Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Рецензенты:

Тиковенко Анатолий Герасимович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Республики Беларусь

Старовойтов Олег Михайлович — кандидат юридических наук, заместитель директора юридического колледжа Белорусского государственного университета по учебной работе

способности (М. Энгельхарт). Однако единого мнения у последователей данной теории нет.

Несколько другую градацию мнений о вопросе определения начала жизни представил белорусский юрист Н. В. Ребеко, занимающийся изучением уголовно-правовой охраны права человека на жизнь [18]. Так, подавляющее число авторов в качестве начального момента жизни называют начало физиологических родов. Другие считают началом жизни момент полного отделения ребенка от утробы матери. Третьи предлагают перенести момент начала жизни на более ранний период — появление ребенка вне утробы матери. Четвертая группа авторов отождествляет начало жизни с началом дыхания новорожденного.

Каждая из этих позиций имеет свои особенности и свою теоретическую основу. Автор статьи придерживается умеренной теории и в своей работе обосновывает тот факт, что действующее (современное) право фактически основывается на абсолютнистской или умеренной позиции и охраняет жизнь человека не только от рождения.

Определение начала охраны права на жизнь в законодательстве Республики Беларусь

Изучив белорусское законодательство с целью определения границы начала действия права на жизнь, можно отметить некоторую его противоречивость. В Конституции Республики Беларусь не содержится указания на момент, с которого начинают действовать права человека, гарантируемые ею. А в отношении субъектов прав употребляется формулировка «каждый». Сведения же о правоспособности и, соответственно, моменте ее возникновения содержатся в пункте 2 статьи 16 Гражданского кодекса Республики Беларусь, определяющем возникновение правоспособности гражданина в момент его рождения [3].

Сложность разрешения проблемы о начале жизни заключается еще и в том, что рождение человека, с которым право связывает начало жизни, представляет собой не одномоментный акт, а длительный процесс, каждый отрезок времени которого можно расценивать как свидетельство появления человека и начала человеческого существования.

Тем не менее, в соответствии с действующим Гражданским кодексом право на жизнь возникает именно *в момент* рождения человека, так как никаких оговорок статья не содержит. И внутриутробный эмбрион, независимо от срока его развития, рассматривается в качестве физиологической части организма, которым женщина вправе распоряжаться по своему усмотрению.

Но все же в законодательстве Беларуси присутствует определенное количество нормативных актов, свидетельствующих об охране прав человека еще до рождения. Так, в соответствии со статьей 1037 Гражданского кодекса Республики Беларусь наследниками по завещанию и закону могут быть граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. А законодательство, регулирующее правовое положение граждан, пострадавших от катастрофы на

Чернобыльской АЭС, закрепляет предусмотренные им права и за гражданами, находившимися во внутриутробном состоянии [16].

Законодательство Республики Беларусь в сфере здравоохранения также содержит ряд норм, отражающих уважительное отношение к жизни и здоровью нерожденного ребенка и заботу о нем. Например, приказом Министерства здравоохранения утверждена программа занятий для беременных, направленных на обучающие и оздоровительные процессы во время внутриутробного развития ребенка [13].

Таким образом, отраслевое законодательство фактически отодвигает «нижнюю» границу действия и охраны некоторых прав личности, что фактически означает наделение ограниченной правоспособностью и присвоение статуса «субъекта права» нерожденному ребенку. Однако говорить об абсолютной правоспособности человеческого эмбриона недопустимо, так как это противоречило бы правам женщины, хотя определенными правами, закрепленными в отраслевом законодательстве, он уже обладает, и его жизнь, здоровье и имущественные права являются объектом охраны. Поэтому во избежание коллизий целесообразно было бы установить ограниченную правоспособность нерожденного человека на конституционном уровне, так как это позволило бы обеспечить правовую охрану эмбриона.

Приняв решение в пользу установления ограниченной правоспособности еще не рожденного ребенка, Беларусь не стала бы первой на этом пути. В законодательстве некоторых европейских стран уже выдвигалась концепция условной правоспособности зачатого ребенка в отличие от безусловной правоспособности человека. К примеру, по законодательству Венгрии и Словакии человек, если он родился живым, считается правоспособным с момента зачатия [5, с. 51].

Надо отметить, что и в России также делались попытки внесения в действующее законодательство подобных изменений, касающихся определения возникновения правоспособности человека ранее момента рождения [7, с. 46]. Однако реальных результатов они пока не принесли: слишком много вопросов вызывают такие изменения, да и общество в целом еще к ним не готово.

Проблема абортов

Вопрос определения начала охраны жизни человека тесно связан с проблемой абортов, число которых в Беларуси и в других странах СНГ за последние годы резко возросло. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, каждый год в мире совершаются 55 млн абортов, около 70 тыс. женщин умирают ежегодно в результате неправильно проведенных операций [6].

Анализ рассматриваемого аспекта права на жизнь целесообразно проводить применительно к содержанию отраслевого законодательства Беларуси. Приказом Министерства здравоохранения было установлено, что операция по искусственному прерыванию беременности разрешается женщине при сроке беременности 12 недель, а свыше этого срока — при наличии медицинских, медико-генети-

ческих и немедицинских показаний. Операцию искусственного прерывания беременности по немедицинским показаниям разрешается производить при беременности сроком не свыше 22 недель [15]. Из этих положений можно сделать вывод о том, что отраслевое законодательство практически закрепляет право на жизнь ребенка приблизительно с пяти месяцев беременности женщины.

Аналогичной точки зрения придерживается и российский ученый С. С. Шевчук, полагающий, что «такая позиция законодателя свидетельствует о том, что он относится к внутриутробному плоду с определенного срока его развития не просто как к физиологической части женского организма, которой она распоряжается самостоятельно, а как к особому рода существу, имеющему право на жизнь» [25, с. 37].

Новую волну споров о гуманности аборт вызвали исследования создателя системы уникальной ультразвуковой аппаратуры профессора С. Кэмпбелла, одного из ведущих акушеров Великобритании, который в своих научных исследованиях доказал, что к 6 месяцам поведение эмбриона уже мало отличается от поведения новорожденного — зародыш может совершать сложные движения, глотать и даже улыбаться, когда ему тепло и удобно, и выражать недовольство, если его чуть подтолкнуть [10]. Этот факт, несомненно, является одним из неоспоримых доводов приверженцев умеренной теории начала правовой охраны жизни.

Сам профессор был поражен, впервые увидев, как рано развиваются дети в утробе матери, и перешел в стан противников прерывания беременности. Он предлагает не проводить аборт по крайней мере через 14 недель и более после зачатия, если женщина в состоянии родить здорового ребенка [10].

Тем не менее, в большинстве стран аборт легализованы. Так, на данный момент гражданки Великобритании, родины автора шумевшего открытия, по-прежнему вправе самостоятельно решать, будет ли жить их ребенок. В то же время в США в марте 2004 г. был принят закон, согласно которому человеческая жизнь начинается и, соответственно, охраняется с момента не рождения, а зачатия, т. е. причинение вреда еще не родившемуся ребенку законодатели приравнили к причинению вреда человеку [2]. Таким образом, человеческий эмбрион получил право на защиту американского государства. И во Франции в феврале 2008 г. также был создан прецедент, свидетельствующий, по мнению представителей общественности и духовенства, о признании за нерожденным ребенком прав личности. Этот вывод проистекает из решения Кассационного Суда Франции, являющегося наивысшей инстанцией французского правосудия, который постановил, что детям, родившимся мертвыми или умершими в результате преждевременных родов, родители могут официально дать имена и похоронить как членов семьи [24].

В связи с этим представляют интерес содержащиеся в белорусском законодательстве нормы, определяющие критерии живорождения, рекомендованные ВОЗ. Так, родившиеся (живыми или мертвыми) на сроке после 22 недель (т. е. в перинатальном периоде) беременности подлежат обя-

зательной регистрации в органах ЗАГС, а в случае смерти начиная с 22 недель беременности заполняется Свидетельство о перинатальной и младенческой смерти [14].

Представляется, что данная и иные вышеперечисленные нормы свидетельствуют о фактической защите права на жизнь ребенка еще до появления на свет. Следовательно, исходя из принципа гуманности, производство женщиной аборта, особенно на последних стадиях беременности, не будет соответствовать этому праву.

Закрепление начала охраны жизни на международном уровне

Анализируя принятые в рамках ООН международные документы, касающиеся правовой охраны жизни, целесообразно обратиться к Декларации прав ребенка, принятой резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г., которая подчеркивает, что «...ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения» [4, с. 385]. Аналогичную формулировку содержит и преамбула Конвенции о правах ребенка 1989 г. [9, с. 242].

Иные международно-правовые акты универсального и регионального уровня не конкретизируют вопрос временных критериев появления права человека на жизнь. Исключение составляет лишь Американская конвенция о правах человека, которая провозглашает право на уважение жизни человека, как правило, с момента зачатия [1, с. 870].

Однако перед Европейской комиссией и Европейским судом по правам человека несколько раз ставился вопрос о пределах действия гарантий, предоставляемых статьей 2 Конвенции о правах человека 1950 г. [8, с. 761] в разрезе определения времени начала и окончания жизни, подлежащей охране, и прежде всего проблемы защиты плода, находящегося в утробе матери. В некоторых жалобах, признанных, однако, неприемлемыми по определенным основаниям, заявители утверждали, что законодательное допущение абортов образует нарушение данной статьи (Дело «Х. против Великобритании» 1980 г., дело «Кнудсен против Норвегии» 1985 г. и др.). Тем не менее, Комиссия сформулировала ряд правовых позиций относительно допустимости медицинского прерывания беременности [21].

Так, в решении по жалобе «Х. против Великобритании» Комиссия рассматривала вопрос, охватывается термином «жизнь» только жизнь уже родившегося человека или в ряде случаев данный термин может иметь специальное значение в зависимости от контекста, в частности, подразумевать и «нерожденную жизнь», и указала на три возможных варианта решения данной проблемы: (1) положения статьи 2 Конвенции не распространяются на плод, находящийся в утробе матери; (2) признается право плода на жизнь с определенными ограничениями; (3) статья 2 безоговорочно признает право плода на жизнь. Последний вариант посчитали полностью неприемлемым в связи с нарушением права матери на жизнь [21].

Остальные альтернативные варианты Комиссия не обсуждала, так как в данном деле речь шла об искусственном прерывании беременности на ее ранней стадии по медицинским показаниям. Однако Комиссия подчеркнула, что внутреннее право почти всех государств — участников Конвенции в момент ее разработки допускало возможность аборта в случае угрозы жизни матери.

По мнению комментаторов Конвенции, если признать, что статья 2 охраняет право на жизнь человеческого эмбриона, то конфликт между соответствующими правами и интересами необходимо будет решать с учетом обстоятельств конкретного дела [22]. Таким образом, Комиссия не пришла к однозначному выводу о том, что нерожденный ребенок не является субъектом права на жизнь. Однако в деле *«Брюггеман и Шойтен против Федеративной Республики Германия»* Комиссия отметила, что законодательное ограничение возможности искусственного прерывания беременности преследует легитимную цель предотвращения преступлений и защиты прав других лиц. При этом «защита прав других лиц» предполагает и *защиту жизни плода в утробе матери* [21].

Вопрос о статусе эмбриона, находящегося в утробе матери, поднимался в деле *«Открытая дверь» и «Дублинская повитуха» против Ирландии»* 1988 г. [21]. Заявители полагали нелогичным распространять значение термина «права других лиц» статьи 8 Конвенции и на права неродившегося ребенка, хотя правительство Ирландии утверждало, что статья 2 Конвенции 1952 г. защищает и право нерожденного ребенка на жизнь. Однако Суд решил, что в настоящем деле ему нет необходимости определять, гарантирует ли Конвенция право на аборт, равно как и то, защищает ли статья 2 Конвенции право на жизнь плода в утробе матери, и рассматривал исключительно вопрос о том, является ли ограничение свободы заявителей получать и распространять информацию необходимым в демократическом обществе условием для охраны нравственности.

Интерес представляют также отдельные мнения ряда судей, выражающих несогласие с общей позицией суда по данному делу (частично особое мнение судьи Ф. Матшера; особое мнение судей Л. Э. Петтити, К. Руссо и др.). Судьи, оставшиеся в меньшинстве, полагали, что Конвенция должна защищать право нерожденного ребенка на жизнь, по крайней мере, в том случае, когда оно гарантируется внутренним правом государства-участника [21].

В период рассмотрения данного дела статья 40.3.3 Конституции Ирландии содержала положение о защите прав нерожденных детей. Решение суда было вынесено на основе приоритета прав человека — беременной женщины, свободной принимать решение об аборте. Однако судьи признали, что запрет абортов преследует законную цель — защиту нравственности, подразумевающую в том числе и охрану права нерожденного ребенка на

жизнь [23, с. 70]. Впоследствии в результате референдума 1992 г. Конституция Ирландии была изменена во исполнение этих решений [12, с. 24].

Таким образом, практика международных судебных органов свидетельствует о том, что человеческий эмбрион может быть наделен некоторым ограниченным правовым статусом, что соответствует умеренной теории начала охраны жизни человека.

Заключение

С точки зрения автора, в белорусском законодательстве имеется достаточное количество нормативных актов, свидетельствующих об охране прав человека еще до рождения. Поэтому считаем необходимым определять началом жизни не момент рождения человека, а достижение внутриутробным зародышем определенного этапа развития, позволяющего определить его как человеческое существо, наделенное специальной правосубъектностью и обеспечиваемое гражданско-правовой защитой. Обеспечить соответствующее нормативное закрепление данного положения возможно путем дополнения статьи 24 Конституции Республики Беларусь формулировкой: «Государство гарантирует *уважение* человеческой жизни с момента зачатия» и внесения изменений в статью 16 Гражданского кодекса Республики Беларусь в части закрепления за неродившимся ребенком относительной правоспособности.

Законодательное определение права на жизнь человеческого эмбриона с момента зачатия (с определенными ограничениями) прежде всего будет способствовать его защите (в частности, при принятии решения об искусственном прерывании беременности не по медицинским показаниям), формированию определенного отношения общества к созданию и планированию семьи, возможно, более гуманному и морально оправданному отношению к человеческому эмбриону, а также может рассматриваться в качестве обоснования для его правомерного использования в трансплантационных и научно-исследовательских целях.

Однако такой сложный вопрос не может быть решен однозначно только лишь на основании правовых исследований. К его решению необходимо привлекать медиков, философов и, как это ни покажется странным, богословов, зачастую обосновывающих свои позиции вполне мирскими аргументами.

В настоящее время в обществе пока нет единого подхода к разрешению таких сложных проблем, как определение момента рождения, легитимность и моральная обоснованность прерывания беременности, поэтому и законодатель не всегда может адекватно дефинировать их. Тем не менее, необходимость их закрепления в законодательстве представляется необходимой, хотя разрешение этих вопросов связано с формированием и развитием не только правовой культуры, морали и правового сознания общества, но и культуры вообще, а также с особенностями менталитета и исторической традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американская конвенция о правах человека // Международные акты о правах человека: сб. док. Изд. 2. М.: Норма-ИНФРА-М, 2002. С. 867—886.
2. Веденкова, А. Трехмесячный зародыш уже умеет зевать [Электронный ресурс] // Информационный портал УТРО.ру. Режим доступа: <<http://www.utro.ru/articles/2004/06/29/324199.shtml>>. Дата доступа: 12.03.2008.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.; одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.; текст Кодекса по состоянию на 1 марта 2008 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2008.
4. Декларация прав ребенка // Международная защита прав и свобод человека: сб. док. М.: Юрид. лит., 1990. С. 385—388.
5. Драгонец, Я. Современная медицина и право / Я. Драгонец, П. Холендер. М.: Юрид. лит., 1991.
6. Ежегодно в мире совершается более 55 миллионов абортов [Электронный ресурс] // Сайт Русской православной церкви. Режим доступа: <<http://www.patriarchia.ru/db/text/219841.html>>. Дата доступа: 12.04.2008.
7. Интервью с депутатом Государственной Думы, заместителем председателя Комитета по общественным объединениям и религиозным организациям А. В. Чуевым // Нотариус. 2004. № 2. С. 45—48.
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Права человека: сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. Минск: Белтранс, 1999. С. 761—772.
9. Конвенция о правах ребенка // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 242—257.
10. Лаговский, В. Дети в утробе зевают, улыбаются и плачут // Комсомольская правда. 2004. 2 июля.
11. Михайлова, И. А. Право на жизнь: актуальные проблемы законодательства // Рос. судья. 2005. № 8. С. 23—28.
12. Нешатаева, Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. С. 21—27.
13. О мерах по совершенствованию акушерско-гинекологической службы Республики Беларусь: приказ Мин-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 23 дек. 2004 г. № 288 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2008.
14. О переходе на рекомендованные Всемирной организацией здравоохранения критерии живорождения и мертворождения: приказ-постановление Мин-ва здравоохранения Респ. Беларусь, Гос. комитета Респ. Беларусь по статистике и анализу от 9 нояб. 1993 г. № 254/75 [Электронный ресурс] // Там же.
15. О порядке проведения операций искусственного прерывания беременности: приказ Мин-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 5 апр. 1994 г., № 71 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 101. 8/6689.
16. О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС: Закон Респ. Беларусь от 22 февр. 1991 г. № 634-XII [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2008.
17. Перевозчикова, Е. В. Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона человека / Е. В. Перевозчикова, Е. А. Панкратова // Мед. право. 2006. № 2. С. 14—18.
18. Ребеко, Н. В. Охрана жизни и право на смерть [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2007.
19. Репин, В. С. Новые биотехнологические реальности в медицине XXI века: место и роль биоэтики // Медицина и право: материалы конф. Москва, февраль 1999 г. М.: Междунар. акад. предпринимательства, 1999. С. 81—101.
20. Сивец, С. Конституционные гарантии института «Право на жизнь» // Судовы веснік. 1997. № 4. С. 51—53.
21. Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации. Право на жизнь [Электронный ресурс] // Информационная система по документам Европейского суда по правам человека и тематическим публикациям. Режим доступа: <<http://www.echr-base.ru/prav04.jsp>>. Дата доступа: 14.02.2008.
22. Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации. Право на неприкосновенность частной жизни [Электронный ресурс] // Там же. Режим доступа: <<http://www.echr-base.ru/prav06.jsp>>. Дата доступа: 15.02.2008.
23. Туманова, Л. В. Защита семейных прав в Европейском суде по правам человека / Л. В. Туманова, И. А. Владимирова [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Россия. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2008.
24. Французские епископы хотят однозначного признания за человеческими эмбрионами легального статуса личности [Электронный ресурс] // Религия и СМИ. Режим доступа: <<http://www.religare.ru/article51070.htm>>. Дата доступа: 12.04.2008.
25. Шевчук, С. С. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции // Мед. право. 2003. № 1. С. 37—41.
26. The Protection of the Human Embryo in vitro: report by Working Party on the Protection of the Human Embryo and Fetus [Electronic resource] // Council of Europe. Mode of access: <[http://www.coe.int/T/E/Legal_Affairs/Legal_co-operation/Bioethics/Activities/Human_embryo_and_foetus/CDBI-CO-GT3\(2003\)13E.pdf](http://www.coe.int/T/E/Legal_Affairs/Legal_co-operation/Bioethics/Activities/Human_embryo_and_foetus/CDBI-CO-GT3(2003)13E.pdf)>. Date of access: 12.03.2008.

«Пределы действия права на жизнь: трактовка в национальном законодательстве и практике Европейского суда по правам человека» (Наталья Машко)

Статья посвящена рассмотрению белорусского и европейского законодательства, международных договоров в сфере регламентации начала правовой охраны человеческой жизни с учетом произошедших в последнее время изменений законодательства рассматриваемых государств.

В статье представлен краткий обзор теоретических обоснований возможных этапов возникновения права на жизнь, характеристика нормативного закрепления этого права в международном праве, законодательстве Республики Беларусь и некоторых европейских государств; проведен анализ практики европейских государств в указанной сфере и национального законодательства Республики Беларусь; вырабатаны некоторые рекомендации в целях совершенствования правовой основы реализации права на жизнь в нашей республике.

В процессе работы по выявлению и обобщению литературного и нормативного материала внимание было сосредоточено на изучении не только правовых источников, но и вспомогательных средств, используемых при их толковании, — решений и консультативных заключений специализированных международных судов, в первую очередь, Европейского суда по правам человека. Некоторые из рассмотренных в статье вопросов освещаются впервые.

«The Right to Life Legal Regulation: National Legislation Provisions and the European Court of Human Rights Practice» (Natalia Mashko)

The present article is devoted to the analysis of the Belarusian as well as European law in the sphere of international treaty regulation of the right to life. The article takes into account the recent legal developments in the said sphere.

The article comprises a brief overview of a right to life, its legal regulation in international law, Belarusian law and the law of certain EU states. The present study also analyses the implementation of the legal norms on the right to life by the EU states and Belarus and proposes certain recommendations to enhance the legal regulation of the right to life in Belarus.

The present work is based not only on normative and doctrinal sources but also on a vast amount of judicial practice — judgments and advisory opinions of regional judicial bodies, inter alia, of the European Court of Human Rights. Some of the issues raised in the article are not covered in doctrine and are introduced here for the first time by the author.